

© 1992 г., ЭО, № 3

Ю. И. Семенов

О ПЕРВОБЫТНОМ КОММУНИЗМЕ, МАРКСИЗМЕ И СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья Э. Геллнера «Марксистская книга Бытия» («Этнографические обозрения», 1992, № 2 — далее после ссылок даются только страницы) в основном посвящена детальному анализу моей концепции социогенеза в том ее виде, в котором она изложена в четвертой и пятой главах книги «История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза» (М., 1983)¹. Готовое, сформировавшееся человеческое общество всегда существовало как общество того или иного определенного типа. Первой формой его бытия было общество, обычно именуемое в нашей науке первобытно-общинным. На самой ранней стадии своего развития первобытное общество было коммунистическим или коммуналистическим. В силу этого моя теория социогенеза с необходимостью была концепцией становления первобытного коммунизма.

Статью Э. Геллнера отличает необычайно глубокое проникновение в сущность моей концепции социогенеза. Это не в малой степени связано с тем, что он является не только и может быть не столько этнологом, сколько оригинально мыслящим и в высшей степени эрудированным философом. Однако я пишу данную статью вовсе не для того, чтобы заниматься комплиментами. В работе Э. Геллнера поднимается ряд вопросов, которые стоит обсудить.

Первобытный коммунизм. Дав высокую оценку моей концепции социогенеза, Э. Геллнер вместе с тем допускает, что она может быть опровергнута новыми данными. «Вдруг,— пишет он,— факты подтвердят, что иерархия и доминирование, столь характерные для предчеловеческих стад, никогда и не прерывались, что никакого промежуточного периода первобытного коммунизма на самом деле не было?» (С. 50). Для Э. Геллнера, таким образом, концепция первобытного коммунизма есть гипотеза, которая может подтвердиться, а может быть и опровергнута.

На мой взгляд, дело обстоит иначе. Совершенно независимо от того, верна или неверна моя теория социогенеза, существование коммунизма в прошлом человечества есть факт, который совершенно твердо установлен и никогда не будет опровергнут.

У всех народов, находившихся на самых ранних ступенях развития, добытая пища всегда в конечном счете распределялась между членами общины совершенно независимо от того, участвовали они в ее добывании или не участвовали. И распределялась она между членами общины в общем и целом в соответствии с их потребностями, т. е. по потребностям. Это распределение происходило в трех основных формах. Каждый член общины брал из добытого определенную долю. Это — разбор. Добычу делили между членами общины. Это — разделоделаж. Члены общины делились добытым друг с другом. Это — дачеделаж². Вся добытая пища поступала в разбор или дележ внутри общины. Это свидетельствует о том, что вся пища независимо от того, кем она была добыта, была собственностью общины, общей собственностью.

Собственность на продукт, как известно, проявляется в распоряжении и пользовании им. Ячейки собственности, распоряжения и пользования могут совпадать, но могут и не совпадать. В последнем случае имеет место расщепление

собственности. В случае разбора пища, находящаяся в собственности и распоряжении общины, поступает в пользование, а тем самым в потребление отдельных ее членов. При более поздней форме — дележе (в обоих его видах) пища, оставаясь собственностью общины, поступает в распоряжение отдельных ее членов. Пищу, полученную в распоряжение, можно не только потребить. Ею можно поделиться с другими членами коллектива. Ее можно подарить члену другой общины.

Существуют два первичных способа перехода пищи в распоряжение человека. Один из них — разделоделаж. Пища, поступившая в распоряжение общины в целом, в результате разделодележа поступает в распоряжение отдельных ее членов. Другой способ можно было бы назвать трудоделажем. Человек сразу же становится распорядителем пищи, которую добыл.

Были общества, в которых разделоделаж отсутствовал. В них вся пища первоначально поступала в распоряжение людей, которые ее добыли. В результате некоторые из исследователей, имевших дело с такими обществами, нередко приходили к выводу, что в них вся пища была индивидуальной или даже частной собственностью.

Так, например, И. Шапера, характеризуя общественные отношения у бушменов, подчеркивал, что «пища, животная и растительная, и вода являются частной собственностью и принадлежат человеку, который добыл их». Казалось бы, точка зрения исследователя ясна: ни о каком коммунизме у бушменов говорить не приходится. Но буквально тут же И. Шапера добавляет, что «от каждого, кто имеет пищу, однако ожидают, что он даст ее тому, кто ее не имеет». «В результате,— пишет он,— практически вся добытая пища поровну распределяется по всему лагерю». Окончательный вывод И. Шаперы заключается в том, что хотя экономическая жизнь группы бушменов реально основывается на понятии частной собственности, практически она «приближается к разновидности коммунизма»³.

То же самое, почти слово в слово пишет А. Р. Рэдклифф-Браун в своей монографии о туземцах Андаманских островов. Он тоже начинает с решительного утверждения, что «вся пища есть частная собственность и принадлежит мужчине или женщине, которые добыли ее». Однако он тут же добавляет, что «от каждого, кто имеет пищу, ожидают, что он даст тому, у кого ее нет» и «результатом этого обычая является то, что практически вся добываемая пища поровну распределяется по лагерю»⁴. И основной вывод полностью совпадает с тем, к которому пришел И. Шапера. Хотя экономическая жизнь локальной группы андаманцев основывается на понятии частной собственности, в действительности же она «приближается к разновидности коммунизма»⁵.

То же противоречие пронизывает работы Р. Б. Ли о бушменах. «Пища,— утверждает автор,— есть собственность мужчины или женщины, которые добыли ее, однако,— тут же добавляет он,— почему-то каждый член лагеря участвует в вечерней трапезе даже в дни, когда только некоторые из его членов участвовали в добывании пищи»⁶. И Ли рисует в работе детальную картину распределения всего добытого членами группы внутри лагеря, в результате которого каждый получает «справедливую долю»⁷. Общий вывод, к которому он приходит, заключается в том, что общество бушменов есть коммунистическое, в котором действует принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям⁸. В одной из последних своих работ Ли без всяких оговорок отстаивает взгляд на первобытное общество как на первобытно-коммунистическое или коммуналистическое⁹.

Из описанного выше противоречия есть только один выход. Нужно признать, что пища, добытая теми или иными людьми, находилась не в их собственности, а только в их распоряжении. Подлинным же ее собственником была община. Общественная собственность на пищу проявлялась в обязанности лиц, в распоряжении которых она находилась, делиться ею с другими членами коллектива.

Значительно более наглядно принадлежность пищи коллективу, а не отдельным

лицам, выступала в обществах, где существовал разделоделаж. Ведь последний предполагал, что пища первоначально поступала не только в собственность, но и в распоряжение общины.

Исходя из факта существования разделодележа и дачедележа, многие исследователи прямо пришли к выводу, что в изучаемых ими доклассовых обществах пища или, по крайней мере, охотничья и рыболовная добыча, была общей собственностью¹⁰.

Объекты, которыми делятся, всегда являются общей собственностью тех лиц, которые ими друг с другом делятся. Это верно по отношению не только к пище, но и к любым другим предметам. О вещах, которые находятся в общем распоряжении и пользовании членов общины, никто не спорит. Они без обиняков признаются общей собственностью. Спор возникает лишь тогда, когда речь заходит о вещах, находящихся в индивидуальном распоряжении и пользовании. Именно они рассматриваются многими исследователями как находящиеся в индивидуальной или даже частной собственности. Однако эти же самые исследователи рисуют картину постоянного перехода данных вещей из рук в руки. Члены общины были обязаны делиться друг с другом не только пищей, но и вещами¹¹. Отсюда следует, что не только пища, но и вещи были общественной собственностью. И этот факт был достаточно адекватно осознан рядом исследователей. «Внутри рода,— писал Дж. Тэплин об австралийцах,— нет личной собственности — все орудия, оружие и т. д. принадлежат всем членам рода коллективно; каждый рассматривает их как собственность его рода... Если у него есть какое-либо оружие, или сеть, или лодка, которые в известном смысле являются его собственными, он знает, что его собственность на эти предметы подчинена верховным правам его рода»¹².

Весь материал о народах, находящихся на ранних ступенях развития, свидетельствует о существовании у них коммунистических (коммуналистических) отношений. Поэтому очень важно ознакомиться с доводами противников концепции первобытного коммунизма. На что они ссылаются, какие факты приводят?

Один довод уже был рассмотрен: коммунизм предполагает отсутствие индивидуальной собственности, а такая существует даже у бушменов и андаманцев, не говоря уже о более развитых народах. Как уже было показано выше, и у бушменов, и у андаманцев существовали не индивидуальная собственность, а индивидуальное распоряжение объектами, находящимися в общинной собственности.

Своеобразную эволюцию претерпели взгляды на первобытную экономику у Б. Малиновского. В монографии «Семья у австралийских аборигенов» (1913 г.) Малиновский безусловно признавал существование у них коммунизма, хотя и подчеркивал, что распространяется он лишь на пищу, точнее даже, только на охотничью добычу¹³. В более поздней работе «Аргонавты Западного Тихого Океана» (1922 г.) исследователь характеризует концепцию «первобытного коммунизма дикарей» как явно ошибочную, как недоразумение¹⁴. В этой книге в отличие от первой он исходит из данных об экономике меланезийцев о-вов Тробриан. И в отношении тробрианцев он был совершенно прав: никакого коммунизма у них не существовало. Но это ни в малейшей степени не опровергает концепции первобытного коммунизма.

В развитии общества, которое принято называть первобытным, примитивным, догосударственным и т. п., можно выделить стадию собственно первобытного общества и стадию перехода от собственно первобытного общества к классовому, которую можно было бы назвать стадией предклассового общества. В свою очередь в эволюции собственно первобытного общества можно выделить два этапа: фазу ранней первобытной общины (раннепервобытного общества) и фазу поздней первобытной общины (позднепервобытного общества)¹⁵. Первобытный коммунизм был характерен только для первой из этих фаз. Раннепервобытная община была коммуной. На этой стадии все средства производства и предметы потребления были собственностью общины, что, начиная с определенного времени

сочеталось с тем обстоятельством, что многие из них находились в распоряжении отдельных индивидов. Все продукты труда распределялись между членами общины в соответствии с их потребностями.

Переход к фазе позднепервобытной общины был ознаменован появлением, наряду с распределением по потребностям, распределения по труду, а также индивидуальной собственности и определенного имущественного неравенства. Однако на этой стадии сохранялся равный доступ всех членов общины к средствам производства.

Стадия предклассового общества характеризуется началом формирования частной собственности и основанных на ней различных видов эксплуатации человека человеком. Тробрианское общество, детально изученное Б. Малиновским, как раз относилось к предклассовой стадии.

Разделодежь, дачедежь, а иногда разбор продолжали существовать и в фазе позднепервобытного общества и даже на стадии предклассового общества. На этом основании некоторые исследователи говорили о существовании первобытного коммунизма в отдельных позднепервобытных и даже предклассовых обществах. Возражая им, другие ученые приводили данные, свидетельствующие о наличии в этих обществах подлинной индивидуальной или даже частной собственности и т. п. Они считали, что тем самым опровергают концепцию первобытного коммунизма. Так, например, поступал Р. Лоуи в своем «Примитивном обществе»¹⁶.

У него мы обнаруживаем и еще один подход к проблеме первобытного коммунизма. Он создал для себя представление о том, каким должен быть этот коммунизм. В частности, коммунизм, по его убеждению, должен исключать какие бы то ни было личные права на вещи, какие бы то ни было личные мотивы деятельности¹⁷. Сопоставляя реальные общества с созданным им идеалом, Лоуи отказывает им в праве именоваться коммунистическими на том основании, что они не полностью согласуются с ним.

И все-таки в конце концов он вынужден признать, что по крайней мере общества некоторых «примитивных» народов являются коммунистическими. В частности, это относится к народам Арктики. Он даже говорит об «арктическом коммунизме» и указывает как на одну из его черт на «альтруистический дежеж пищевых запасов»¹⁸.

Решительным противником концепции первобытного коммунизма был Г. Кунов. Первобытный коммунизм, в его представлении, это такой строй, при котором «все принадлежит всем», в частности земля является «собственностью всех»¹⁹. Но подобного рода общественные нормы никогда не существовали. Земля на ранних стадиях развития принадлежала «не всем без различия, а определенным маленьким кочующим ордам»²⁰. И вообще, когда сообщается о совместной собственности, то это всегда собственность не всех, а определенных групп людей²¹.

Положение о том, что земля принадлежала отдельным общинам, в основном верно, хотя существовали и исключения. Но она ни в малейшей степени не опровергает концепции первобытного коммунизма. Коммунизм предполагает не всеобщую собственность, а общественную собственность, собственность общества. Первобытная община была обществом. Поэтому общинная собственность была собственностью общества.

Это настолько очевидно, что в дальнейшем изложении Г. Кунов снимает свое возражение. Он выдвигает уже иное понимание первобытного коммунизма: все члены общины сообща владеют всеми имеющимися налицо предметами,— и пытается доказать, что у австралийцев, например, ничего такого не было. Земля, конечно, принадлежала общине в целом, но все, что добывает индивид собственными усилиями, является его собственностью²².

Конечно, Г. Кунов не может обойти тот факт, что члены общины делились своей добычей друг с другом. И вот что он пишет по этому поводу: «Правда, у австралийцев мы находим род потребительского коммунизма. Счастливый охотник должен отдать орде часть своей охотничьей добычи; и в этом случае не все члены орды без различия имеют одинаковое право на мясо и рыбу, а

только определенный круг родственников. К тому же этот потребительский коммунизм возникает не из так называемого первобытного «духа общности» или «чувства солидарности» и т. д., вообще не из какого-либо этического принципа, а под давлением нужды: это фактически коммунизм нищеты (Notstandskommunismus)²³. Все верно: первобытный коммунизм возник вовсе не из этических принципов. Но главное: он возник и существовал.

Самая последняя по времени попытка поставить под сомнение концепцию первобытного коммунизма была предпринята Э. Сервисом. Его позиция крайне противоречива. Он безусловно признает, что социальная экономика «примитивных» народов является полной противоположностью капиталистической, в силу чего ее иногда характеризуют как коммунизм или первобытный коммунизм. Как отмечает он, слово «коммунизм» имеет несколько значений, но все они включают идею общественной, коммунальной или государственной собственности, по крайней мере, на важнейшие ресурсы и средства производства²⁴.

Бесспорно, что естественные ресурсы, используемые общиной охотников и собирателей, находятся в коллективной или коммунистической собственности. Что же касается вещей, то они — в руках отдельных людей. Поэтому в каком-то смысле можно сказать, что они были в «собственности» (это слово поставлено в кавычки Э. Сервисом) индивидов. Но это обладание вещами носило крайне своеобразный характер. Существовало мощнейшее обязательство делиться всеми вещами и продуктами. В силу его самые различные люди имели право на долю всего того, чем обладал данный индивид. В результате каждый обладатель не имел права распоряжаться вещами по своему усмотрению. Тем более нет смысла говорить о существовании в примитивной общине частной собственности, которая предполагает, что одни люди что-то имеют, а другие — лишены этого²⁵.

Но убедительно показав, что в ранней общине охотников и собирателей существовал коммунизм, Э. Сервис отрешивается от признания рассматриваемого общества коммунистическим. «Если, — пишет он, — не существует истинной частной собственности в сколько-нибудь пригодном смысле в примитивных обществах, то являются ли они коммунистическими? Если подойти к вопросу поверхностно, то ответ будет утвердительным. Рассмотрение его по существу влечет за собой отрицательный ответ. Если коммунизм означает просто отсутствие частной собственности на природные ресурсы и средства производства, то безусловно общины охотников и собирателей являются коммунистическими. Но это в лучшем случае поверхностное, если не ошибочное заявление. Община охотников и собирателей базируется на родстве: она является фамилистической (familistic). Но разве семьи (фамилии), особенно домашние семьи в любом обществе, включая «капиталистическую Америку» и «коммунистическую Россию», не являются в равной степени коммунистическими? Если мы будем сравнивать сопоставимое, то обнаружим, что примитивная община охотников и собирателей из 30—60 человек несомненно превышает по размерам семью в урбанизированной Америке, но она все же семья и она же все-таки очень небольшое общество. И неудивительно, что ее члены действуют фамилистически, как в экономических, так и других делах²⁶.

Далее следует длинная цепь рассуждений, суть которых коротко сводится к следующему. В наше время коммунизм рассматривается как альтернатива капитализму. Говоря и о капитализме, и о коммунизме имеют в виду большие индустриальные государства. Поэтому собственность принадлежит не кучке родственников, а либо миллионам граждан государства, либо самому государству. Средствами производства, которые находятся в собственности, являются не каменные ножи, а фабрики, рудники и т. п. Говоря и о капитализме, и о коммунизме, мы имеем в виду не семьи, а большие сложные государства, базирующиеся не на родственных, а на безличностных связях. И если употреблять слово «коммунизм» в этом смысле, то общину охотников и собирателей нельзя назвать коммунистической. Экономику этой общины лучше всего можно было бы охарактеризовать как фамилистическую. А ни одно современное общество,

каким бы коммунистическим оно ни было, не является фамилистическим в целом²⁷.

Сервис совершенно прав, когда говорит о качественном отличии первобытных общин от тех современных обществ, которые принято называть коммунистическими. Но это ни в коем случае не ставит под сомнение концепцию первобытного коммунизма — именно первобытного, а не какого-либо иного коммунизма. По существу Сервис признает эту концепцию, отказываясь лишь от использования слова «коммунизм» в применении к первобытности. Ученый прав, указывая на определенное сходство отношений в первобытной общине и современной семье. И там, и там действует принцип распределения по потребностям. Но коренное различие заключается в том, что первобытная община была обществом, а современная семья является небольшой ячейкой общества, базирующегося на отличных от коммунистических экономических связях.

Марксизм и первобытный коммунизм. Основным в статье Э. Геллнера является тезис о том, что концепция первобытного коммунизма является важнейшей составной частью марксизма. «Ведь марксистское предсказание будущего, — пишет он, — основано на реконструкции прошлого, т. е. на том, что на ранних этапах истории существовало бесклассовое, свободное и гармоничное общество. Именно таким (и только таким!) образом можно показать, что коммунистические общественные отношения составляют реальный идеал человечества» (с. 37).

Думаю, что Э. Геллнер неправ. Марксизм и концепция первобытного коммунизма возникли совершенно независимо друг от друга.

Зачатки идеи первобытного коммунизма мы находим еще у Монтеня²⁸. В зародышевой форме она присутствует в работах Морелли²⁹, Мабли³⁰, Дидро³¹. Но более или менее четкое выражение эта идея нашла в замечательной книге Фергюсона «Очерк истории гражданского общества» (1767 г.). Он выделил дикость, варварство и цивилизацию как последовательно сменяющиеся стадии поступательного развития человечества. Первая, по Фергюсону, характеризуется общественной собственностью на землю и продукты труда, распределением по потребностям и равенством людей³². Никто из названных авторов термина «коммунизм» не употреблял. Он появился только с началом 40-х годов XIX в., причем первоначально лишь для обозначения определенного социального движения того времени и его идеалов³³.

Марксизм при своем возникновении никак не был связан с концепцией первобытного коммунизма. В ранних работах Маркса и Энгельса, относящихся к 40-ым годам XIX в., идея первобытного коммунизма полностью отсутствует³⁴. Это относится и к одной из первых работ уже зрелого марксизма — «Манифесту Коммунистической партии». В ней прямо утверждается, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»³⁵. Этот факт отмечает Э. Геллнер, но почему-то совершенно не учитывает его в своих построениях.

И отсутствие идеи первобытного коммунизма ни в малейшей степени не мешало Марксу и Энгельсу обосновывать необходимость коммунистического переустройства общества. В дальнейшем они эту идею приняли и разработали, но она никогда не использовалась ими в качестве доказательства неизбежности смны капитализма новым коммунистическим обществом. У них была совершенно иная система аргументации, чем та, что приписывает им Э. Геллнер. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с «Капиталом» Маркса. Ценность концепции первобытного коммунизма они видели в том, что она свидетельствует о возможности существования общества без эксплуатации и классов, но не более того.

Не Маркс и не Энгельс ввели в употребление термин «первобытный коммунизм». При жизни Маркса не было опубликовано ни одной его работы, в которой этот термин использовался бы. Энгельс впервые употребил его в 1884 г. в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но еще в 1877 г. Морган в «Древнем обществе» использовал термин «коммунизм» в применении к первобытности³⁶. И в дальнейшем употребление этнографами термина «коммунизм», а иногда и слова «социализм» для характеристики общественных от-

ношений изучаемых ими народов чаще всего никак не было связано с марксизмом. Ни фон Эренрейх³⁷, ни Шренк³⁸, ни Кидд³⁹, ни Лопатин⁴⁰, ни Вановверберг⁴¹, ни Расмуссен⁴², ни Карстен⁴³ марксистами не были. Над ними не тяготели никакие доктрины, требующие употребления этих терминов. Они использовали данные понятия исключительно лишь потому, что видели в них адекватное выражение сущности изучаемых общественных отношений.

Исходя из того, что концепция первобытного коммунизма жизненно важна для марксизма, Э. Геллнер рисует любопытную картину. Какие-то очень высокие лица в руководстве КПСС, обнаружив, что теории возникновения первобытного коммунизма до сих пор не существует, дали указание срочно создать «Марксистскую книгу Бытия». Была подобрана группа ученых, которой и было поручено это ответственное дело. Результатом и явилась трехтомная «История первобытного общества»⁴⁴.

Должен разочаровать и Э. Геллнера и читателей. Ничего подобного не было. Инициатором создания трехтомника был заведующий Сектором истории первобытного общества Института этнографии АН СССР А. И. Першиц. Его идея пришла по душе работникам сектора и нашла поддержку у директора института Ю. В. Бромлея. Этим все и ограничилось. Представители же идеологических верхов, я думаю, не прочли ни одной строчки из написанных нами книг. Более того, они, вероятно, и не подозревали о существовании трехтомника.

Что же касается моей личности, то, по мнению Э. Геллнера, мною двигал не только научный интерес, но и стремление осмыслить окружающую меня социальную действительность. Как человек лояльный к строю я не мог не приветствовать социалистическое переустройство общества. И в то же время, будучи мыслящим ученым, не мог не задумываться над природой наличествующих в этом преобразовании общества различного рода отрицательных явлений.

Именно исходя из этого, я, рисуя картину становления первобытного коммунизма, допускал не только неизбежность, но и нужность, полезность сохранения в этот период элементов старых животных отношений, в частности пережитков доминирования. «Весьма важно,— подчеркивает Э. Геллнер,— что эта концепция объясняет и оправдывает любые временные недостатки формирующегося общественного строя» (с. 47).

Опять должен разочаровать Э. Геллнера. Все сказанное им не имеет никакого отношения ни к моей концепции самой по себе, ни к причинам ее появления. Конечно, я не мог не исходить из того, что в период перехода от животного мира к человеческому обществу новые зарождающиеся социальные отношения неизбежно должны были сосуществовать со старыми, что в этот период неизбежными были прорывы зоологического индивидуализма. Но ничего полезного в последних я не видел. «...Прорыв зоологического индивидуализма в сфере распределения мяса,— писал я,— представлял для праобщества огромную опасность. Объединения, в которых данная норма (запрет отстранять кого бы то ни было из членов праобщины от мяса.— Ю. С.) не восстанавливалась, с неизбежностью исчезали. Сохранились и получали возможность дальнейшего развития только такие объединения, в которых данная норма возрождалась и утверждалась»⁴⁵.

Так обстоит дело с чисто фактической стороны. Нет ни одной строчки моей работы, в которой бы говорилось о нужности и полезности сохранения элементов доминирования в эпоху праобщества. Это во-первых. А во-вторых, у меня не было никаких оснований для того, чтобы, выражаясь словами Э. Геллнера, «провести параллели между положением человека в эпоху палеолитического коммунизма и в современном социалистическом обществе» (с. 48).

Конечно, когда-то я, как и большинство людей моего поколения, считал наше общество социалистическим и переживал, что в нем не все происходит так, как хотелось бы. Однако к 1980-м гг., когда создавалась обсуждаемая работа, я давно уже от этой иллюзии избавился. К началу 1970-х гг. мне было совершенно ясно, что никакого социализма ни в нашей стране, ни в соседних с ней не существует. За какой-то десяток лет, прошедших после 1917 г., у нас сформир-

ровалось общество, по многим своим признакам сходное с тем, что возникло в IV тысячелетии до н. э. в странах Древнего Востока и было первой формой исторического бытия классового общества.

Способ производства, который лежал в основе первых классовых обществ, К. Маркс именовал азиатским. Название не самое удачное, ибо формирующиеся и сформировавшиеся общества данного типа существовали и за пределами Азии — в Африке, Европе, Южной и Северной Америке и Океании. Поэтому я предпочитаю именовать этот способ производства политарным (от греч. полития — государство).

Особенность этого способа производства состоит в том, что частным собственником (полным или верховным в зависимости от варианта) средств производства является весь класс эксплуататоров в целом, а не его члены, взятые в отдельности. Этот способ, таким образом, основан на общеклассовой частной собственности, которая с неизбежностью принимает форму государственной. С этим связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппаратом. Эта характеристика в равной степени относится и к обществу Древнего Востока и к советскому обществу 20—80-х гг. XX в. Но нельзя не видеть и различия между ними. Общество Древнего Востока было аграрным, наше — индустриальным. Таким образом, существуют две основные разновидности политаризма, которые соответственно можно было бы назвать агрополитаризмом и индустрополитаризмом. Можно спорить о том, являются ли они двумя вариантами одного способа производства или двумя самостоятельными способами производства, но их близость друг к другу неоспорима.

В 1972—1973 гг. я написал большую статью, в которой был дан детальный анализ экономической и политической структуры агрополитарного общества. По отношению к ней действительно можно говорить о проведении параллелей между тем, что было в прошлом, и тем, что существовало в нашей стране. Причем это не требовало и не предполагало внесения в картину агрополитарного общества каких-либо добавлений или же изъятия из нее тех или иных моментов. Наоборот, эти параллели вырисовывались тем более отчетливо, чем ближе к истине была нарисованная картина.

Эти параллели были столь очевидными, что после сдачи в издательство статья была исключена бдительным его руководством из состава сборника «Становление классов и государства», для которого она предназначалась. Мне срочно пришлось писать для сборника другую статью. Только после этого сборник увидел свет. Это произошло в 1976 г. Что же касается крамольной статьи, то она продолжала лежать в ящике письменного стола, пока благодаря титаническим усилиям экономиста-востоковеда В. Г. Растяникова не была опубликована в 1980 г. в сборнике «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки». Правда, для этого статью пришлось значительно сократить и дать ей сугубо академическое название «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения». Но зато в результате бдительность начальства была притуплена.

Таким образом, когда я в начале 1980-х гг. писал главы для «Истории первобытного общества», то никакими идеологическими мотивами не руководствовался. Меньше всего я думал о необходимости обоснования социализма. Вообще, на мой взгляд, вопрос о том, существовал или не существовал первобытный коммунизм, не имеет прямого отношения к проблеме будущего развития человечества. Это чисто научная проблема, и она должна решаться чисто научными методами.

Проблемой становления человеческого общества я занимался давно. В 1962 г. вышла моя монография «Возникновение человеческого общества», которая в существенно переработанном виде была переиздана в 1966 г. под названием «Как возникло человечество». От многого из того, что было сказано в этих книгах, я не отказываюсь и сейчас. Но концепция становления социально-экономических отношений в них отсутствовала. И это не случайно. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. наука не располагала материалом для конкретных суждений по этому вопросу.

За последние двадцать лет положение изменилось. Во-первых, впервые в истории науки было проведено множество систематических исследований поведения обезьян, включая человекообразных, в естественных условиях, были детально изучены отношения в их объединениях. Во-вторых, получила развитие научная дисциплина, которая за рубежом именуется экономической антропологией, а у нас — экономической этнологией (этнографией). Огромный материал, собранный ею, дал возможность реконструировать первоначальную форму первобытных производственных отношений и выявить объективную логику их эволюции. Все это вместе взятое сделало возможным перекинуть мост от объединений животных к человеческому обществу, раскрыть внутренний механизм зарождения и формирования социально-экономических отношений.

Э. Геллнер характеризует меня как марксиста. И он прав. Я был и остаюсь марксистом. Но само понятие марксизма нуждается в уточнении. Прежде всего нужно отличать марксизм, каким он был до 1917 г., и марксизм, каким он стал в нашей стране отчасти уже в 1920-х, но в основном в 1930-х гг. и позднее.

К концу 1920-х гг. в нашей стране в основном сформировалось классовое общество политарного типа. Ни один господствующий эксплуататорский класс не обходился без идеологии, без учений, оправдывающих существующий порядок. Идеология господствующего класса всегда носила иллюзорный характер. Идеологические иллюзии были средством маскировки существующих экономических отношений. В идеологии, причем разумеется иллюзорной, нуждался сформировавшийся в СССР класс политаристов.

Для этой цели был приспособлен марксизм. Усиленно навязывалась мысль, что в нашей стране было создано то самое справедливое общество, о котором веками мечтали угнетенные, стал реальностью тот социализм, путь к которому был намечен Марксом и Энгельсом. Когда марксизм стал средством маскировки существующих отношений, средством оправдания несправедливого порядка, когда он перестал говорить правду о действительности, он внутренне коренным образом изменился. Из стройной системы взглядов, в целом более или менее адекватно отражавшей действительность, он превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. С тех пор начали существовать два марксизма: собственно марксизм и псевдомарксизм.

Известный русский философ, историк и публицист Г. П. Федотов в своих статьях, относящихся к 1930-м гг., отмечает парадоксальное явление. С одной стороны, марксизм в СССР является официально признанной идеологией, а с другой — подвергается разгрому во всех областях⁴⁶. Возвеличивался псевдомарксизм, разгрому подвергался марксизм. Яркую картину уничтожения марксизма и утверждения псевдомарксизма в области философии нарисовал И. Яхот в работе «Подавление философии в СССР (20—30-е годы)», которая недавно увидела свет и у нас⁴⁷. Подлинный марксизм, и прежде всего марксистская философия, всегда преследовались в период существования нашего политаризма.

Иногда говорят, что в эти годы от всех ученых требовали руководствоваться в своих исследованиях марксистским методом познания. Ничего подобного. От человека требовали лишь покорности властям и соблюдения приличий: нужно было клясться в верности марксизму и приводить к месту и не к месту цитаты из работ основоположников марксизма и генеральных секретарей ЦК. Марксистским методом познания почти никто никогда не пользовался. А тот, кто делал это, неизбежно сталкивался с трудностями. Он неизбежно выходил за рамки официально разрешенного и вступал в конфликт с идеологическими руководителями. В лучшем случае его не печатали. Наши идеологические церберы могли пропустить любое недомыслие, но подлинной марксистской мысли доступ на печатные страницы был навсегда запрещен. Именно невозможность публиковать результаты своих исследований в области философии вообще, философии истории в частности, заставила меня обратиться к проблемам первобытности. Здесь существовала некоторая возможность сказать свое собственное слово.

Предлагая различать марксизм и псевдомарксизм, я не собираюсь настаивать

на истинности всех положений марксизма. Марксизм, как известно, состоит из философии, политической экономии капитализма и концепции научного социализма. И это все. Концепция первобытного коммунизма, равно как и концепции рабовладения, феодализма, в него никогда не входила.

Для меня марксизм — это прежде всего философия, включающая в себя материалистическое понимание истории. Вполне понятно, что философия марксизма вообще, материалистическое понимание истории нуждается в творческом развитии, обновлении. Но все ее ключевые положения, сформулированные основоположниками марксизма, остаются, на мой взгляд, в силе. Я их принимаю и поэтому считаю себя марксистом. Что же касается марксистской политэкономии, то в ней многое сохранило значение, а многое — устарело. Жизнь ушла вперед, а учение осталось таким, каким оно было создано в XIX в. И больше всего устарела марксистская концепция социализма, прежде всего содержащаяся в ней учение о путях социального переустройства капиталистического общества.

Таким образом, марксизм для меня — это прежде всего философия, т. е. определенный метод научного исследования явлений мира вообще, общественных явлений в частности. Этот метод представляется мне наилучшим из всех существующих. Равного ему я не знаю. Он прекрасно работает и позволяет давать ответ на такие вопросы, с которыми не может сладить никакой другой метод. В частности, он дает возможность правильно подойти к вопросу о сущности человека.

Марксизм и проблема сущности человека. Как уже указывалось, Э. Геллнер считает, что в марксизме единственным обоснованием необходимости коммунистического переустройства капиталистического общества является идея первобытного коммунизма. Выше уже было показано, что в действительности основоположники марксизма никогда такого взгляда не придерживались. В результате Э. Геллнеру ничего другого не остается, кроме как самому создать подобного рода концепцию и приписать ее марксизму. Коротко суть ее в следующем.

Возникновение первобытного коммунизма было одновременно формированием сущности человека. Человек возник как существо коммунистическое. В этом заключена его самая глубокая сущность, его «родовая сущность», которая остается абсолютной и неизменной. Понятие абсолютной и неизменной «родовой сущности» человека играет огромную роль в марксистском учении. «Это понятие, — пишет Э. Геллнер, — основной источник морального содержания и авторитета марксизма» (с. 49).

С переходом к классовому обществу «родовая сущность» человека подверглась отчуждению (с. 49). Она была искажена влиянием частной собственности с ее атрибутами — классовым расслоением и политическим принуждением (с. 48). Неестественным общественным устройством был временно искажен глубинный потенциал человеческой личности (с. 36). «Последующее развитие, — пишет Э. Геллнер, излагая, как ему представляется, марксистское учение, — принесло с собой чудовищное искажение нашей подлинной человеческой сущности, самоотчуждение человека. Со временем, когда этот фундаментальный общественный порок будет устранен, наша истинная сущность сможет вновь возродиться и утвердиться» (с. 36). Именно это является обоснованием и одновременно оправданием наступления новой коммунистической эпохи.

Излагая эту концепцию, Э. Геллнер не подкрепляет ее ссылками на труды основоположников марксизма. И понятно почему. Такая концепция в их работах отсутствует. Это не значит, что построения Э. Геллнера абсолютно беспочвенны. К. Маркс в своих ранних работах, в частности в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»⁴⁸, говорил об отчуждении человека в современном обществе и связывал преодоление этого отчуждения с будущим бесклассовым обществом. Но идея отчуждения человека и снятия этого отчуждения не была связана у него с концепцией первобытного коммунизма. Кстати сказать, идея отчуждения человека в современном обществе не несет в себе ничего специфически марк-

систского. Она развивалась и развивается самыми различными мыслителями (Руссо, Гегель, Фейербах, Ницше, Бердяев, Хайдеггер, Ясперс, Фромм, Сартр и др.).

Приписав марксизму идею абсолютной и неизменной «родовой сущности» человека, Э. Геллнер дальше уличает основоположников марксизма в противоречии. Ведь сами же они были противниками любых идей о неизменной сущности (с. 49). «Итак,— пишет Э. Геллнер,— „основоположники“ не испытывали никакого беспокойства из-за того, что в их теории идея исторической изменчивости и разнообразия человеческих обществ сочеталась с понятием о неизменной абсолютной сущности человека» (с. 49).

В действительности никакого такого противоречия в марксизме не существует. Неизменной сущность человека является только в одном определенном смысле, а именно: она всегда является социальной, всегда определяется структурой социального организма, к которому человек принадлежит. «...Сущность человека,— писал К. Маркс,— не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁴⁹. Но общественные отношения меняются. Поэтому с неизбежностью меняется и сущность человека. В обществе с одной структурой она одна, в обществе с другой — другая. Бессмысленен спор о том, какая из этих сущностей является естественной. Каждая естественна для своей эпохи.

На самой ранней стадии развития первобытного общества сущность человека была коммунистической, ибо коммунистическими были общественные отношения. В одном из мест статьи Э. Геллнер задавал вопрос о том, что поддерживало существование первобытного коммунизма (с. 47).

Чтобы ответить на него, нужно обратиться к таким категориям экономической этнологии (антропологии) как «общественный продукт», «жизнеобеспечивающий продукт» и «избыточный продукт». Общественный продукт — совокупность всего того, что создано обществом. В раннепервобытной общине он был общественным вдвойне. Он не только создавался обществом, но и был собственностью общества. Жизнеобеспечивающим является общественный продукт, абсолютно необходимый для поддержания физического существования членов первобытного коллектива. Весь общественный продукт, превышающий этот уровень, является избыточным. Избыточен он вовсе не в том смысле, что не может быть потреблен членами общества, а лишь в том, что и без него возможно их нормальное физическое, а тем самым и социальное существование.

Пока весь общественный продукт был жизнеспособным, никакие другие формы распределения, кроме распределения по потребностям, существовать не могли. Любая другая форма привела бы к тому, что часть членов общества получила бы меньше продукта, чем его необходимо для поддержания их существования и, в конце концов, погибла бы. А это привело бы к деградации и исчезновению самой общины. Появление сравнительно небольшого избыточного продукта тоже не могло сколько-нибудь существенно изменить ситуацию.

Таким образом, отношения полной собственности коллектива на весь общественный продукт, прежде всего пищу, диктовались объемом этого продукта. В свою очередь, объем общественного продукта зависел от уровня развития тех сил, которые его создают, т. е. производительных сил общества. Этими силами были люди, вооруженные средствами труда и умеющие ими пользоваться.

На примере начальной стадии первобытного общества с особой наглядностью выступает специфика социально-экономических производственных отношений. Их характер не зависит от сознания и воли людей. Он определяется уровнем развития производительных сил общества. Возникнув независимо от сознания и воли людей, производственные отношения определяют сознание и волю людей, их действия, а тем самым и все прочие общественные отношения. Социально-экономические отношения, являясь материальными, образуют базис общества, над которым возвышается надстройка, включающая все прочие общественные отношения и общественное сознание в узком смысле этого словосочетания.

Базис, определяя надстройку, в то же время не может без нее существовать. Экономические отношения собственности, проявляющиеся в форме отношений распределения и обмена, не могут действовать без норм, в которых они выражаются и закрепляются, без волевых отношений собственности. В классовом обществе экономические отношения собственности закрепляются в праве. Соответственно волевые отношения собственности являются правовыми, юридическими.

В первобытном обществе экономические отношения собственности закреплялись в морали. Соответственно волевые отношения собственности были отношениями моральными. Важнейшая норма первобытной морали состояла в требовании к человеку делиться продуктом, прежде всего пищей, с другими членами коллектива. В ней находила свое выражение и закрепление собственность коллектива на продукт вообще, пищу в первую очередь. Эта норма долгое время сохранялась и в позднепервобытном, и даже в предклассовом обществе.

На материалах, относящихся к раннепервобытной общине, особенно наглядно можно видеть, насколько точно созданное Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории отвечает реальности. Применение материалистического понимания истории позволяет дать ответ на другой, поставленный Э. Геллнером вопрос: почему первобытный коммунизм «столь ощутимо выветрился впоследствии» (с. 44).

На той стадии развития, на которой весь продукт был жизнеобеспечивающим, ни один способный к труду человек не мог от труда уклониться. Существующие отношения побуждали человека не просто трудиться, но трудиться с максимальной отдачей. Ни один индивид не мог ограничиться добычей такого количества продукта, которого было бы достаточно для его собственного прокормления. Ведь все, что он добыл, поступало в общественную собственность и вместе с добычей других лиц подлежало распределению между членами общины сообразно с их потребностями. В результате даже добыв много, человек мог получить мало, остаться полуголодным в случае неудачи других членов коллектива. В таких условиях каждый человек должен был стремиться добыть возможно больше. Только таким способом он мог гарантировать себе прожиточный уровень. Все это было достаточным стимулом для развития производства.

С появлением регулярного избыточного продукта обеспечение людей стало более гарантированным. Общество оказалось теперь в состоянии обеспечить прожиточный уровень всех своих взрослых членов даже в том случае, если они трудились не в полную меру. Возникла возможность если не полного, то частичного социального паразитизма. В таких условиях стали нужными новые стимулы к труду. Объективная заинтересованность общества в том, чтобы каждый его член работал с полной отдачей, первоначально находила свое выражение в почете, которым стали окружать людей, внесших больший, чем остальные, вклад в создание общественного продукта. Но в конечном счете единственным выходом из положения было возникновение распределения по труду, которое с неизбежностью повлекло за собой индивидуальную собственность и имущественное неравенство. Развитие экономики на фазе позднепервобытной общины приобрело своеобразный характер. Возникла так называемая престижная экономика, которая дала мощный толчок развитию производства. Все это в конечном счете привело к появлению частной собственности, эксплуатации и классов. Возникло новое общество — классовое, первой формой существования которого было политарное (агрлопитарное). За ним последовали античное (рабовладельческое), феодальное и, наконец, капиталистическое общество.

Мне не совсем ясно, чьи взгляды излагает Э. Геллнер, когда характеризует первобытное общество как «бесклассовое, свободное и гармоничное», а классовое общество как «неестественное» (с. 3—4). Видимо, все же не свои. И добавлю, не марксистские. Первобытное общество, конечно, было бесклассовым. Но отнюдь не свободным и гармоничным. Что же касается классового общества, то оно было столь же естественным, как и первобытное. Первобытное общество было

естественным для одного уровня развития производительных сил, классовое — для другого.

Отношения частной собственности и эксплуатации на определенном этапе развития общества являются необходимым условием развития производства. Возникновение их на определенном уровне эволюции производительных сил столь же неизбежно, сколь необходимым было существование первобытного коммунизма на самом раннем этапе развития первобытного общества. Переход к классовому обществу был не грехопадением, а огромным прогрессом в истории человечества.

Логично предположить, что рано или поздно развитие производительных сил достигнет такого уровня, когда отпадет нужда в частной собственности и эксплуатации, когда возникнет необходимость качественно иных социально-экономических отношений — новых коммунистических. Но пока этот уровень не достигнут, любые попытки уничтожить частную собственность и классы обречены на неудачу.

Россия в 1917 г. такого уровня бесспорно не достигла. Поэтому неизбежен был процесс возрождения частной собственности и классовообразования. Так как были приняты все меры для того, чтобы не допустить победы капиталистической частной собственности, частная собственность возникла в другой форме — политической. На том этапе развития не было альтернативы частной собственности, была альтернатива лишь капиталистической частной собственности. Она и реализовалась.

Положение о том, что в истории человечества существовало несколько качественно отличных друг от друга экономических систем, каждая из которых имела свои специфические законы функционирования и развития, впервые было выдвинуто Марксом и Энгельсом⁵⁰. Исторический подход к экономике был свойственен представителям новой (молодой) исторической школы в политэкономии, представленной в частности К. Бюхером⁵¹. Идею существования качественно отличных систем экономики отстаивал выдающийся русский экономист А. В. Чаянов⁵². Под давлением фактов к аналогичному выводу пришли представители субстантивистского направления в экономической антропологии (этнологии) — К. Полани, Дж. Дальтон и др.⁵³

И поэтому грустно, когда в нашей печати не только журналисты, но и экономисты без конца говорят об естественных экономических законах, которые действовали и действуют всегда и везде, как всегда и везде действует закон всемирного тяготения. Однако они тут же добавляют, что хотя эти законы являются естественными и всеобщими, они тем не менее не действовали в нашей стране, отчего и происходят все наши беды. Вполне понятно, что все эти авторы за всеобщие естественные экономические законы выдают законы капиталистической экономики, как это делал в свое время А. Смит. Эти законы в нашей стране в самом деле не действовали, ибо в ней существовала совершенно иная экономическая система.

Утверждение о существовании естественных и всеобщих экономических законов естественно дополняется тезисом об извечности частной собственности. «Частная собственность, — утверждает, например, член-корр. РАН И. Р. Шафаревич, — существовала всегда — вплоть до самых примитивных обществ, наблюдавшихся этнографами»⁵⁴. Ему вторит журналист О. П. Мороз: «Частная собственность всегда была мотором экономики... Вообще общество без эксплуатации — такая же утопия, как и сам коммунизм»⁵⁵.

Отрицание исторического характера экономических и всех вообще социальных отношений органически сочетается с возрождением представлений о вечной, неизменной, абсолютной природе человека, о его естественных правах и т. п. «... Частное право, — утверждает член-корр. РАН С. С. Алексеев, — непосредственно основанное на естественных неотчуждаемых правах человека, — это право принципиально, по своей природе единое, более того — право всемирное»⁵⁶. Неужели С. С. Алексееву неведомо, что было время, когда никакого права, ни публичного, ни частного не существовало? Видимо, все же ведомо, ибо в другом

месте той же статьи он связывает частное право с главными достижениями цивилизации — свободой личности, частной собственностью и рынком. Но возникает еще один вопрос: известно ли уважаемому юристу, что на протяжении тысяч лет существования цивилизации миллионы людей (подданные политарных государств, рабы, крепостные) были лишены свободы личности и других неотчуждаемых прав?

Еще больше, чем о естественных правах человека, говорят об общечеловеческой морали. «Но одно следует подчеркнуть,— пишет, например, академик Д. С. Лихачев,— нравственною едина для всего человечества. Она не может различаться по классам, сословиям, нациям. То, что нравственно для одного народа, нравственно и для другого. Когда говорят — „это мораль коммунальной кухни“, „мораль капиталистов“, „мораль пещерного человека“, то только иронизируют»⁵⁷. Ни сам Д. С. Лихачев, ни его единомышленники не считают нужным доказывать свои положения. Истинность их им кажется само собой разумеющейся. Но обратимся к фактам.

В первобытной морали было две основные нормы. Первая — делиться пищей с другими членами общины. Вторая — не вступать в половую связь с членами своего рода. Если считать, что сформировавшееся человеческое общество возникло 35—40 тысяч лет тому назад, то эти нормы действовали на протяжении большей части его истории (30—35 тысяч лет). А сейчас они не действуют. И понятно почему. Изменились общественные отношения. Исчезли первобытные общины, исчезли роды. Вместе с ними исчезли и данные нормы.

В качестве примера всеобщих, истинно общечеловеческих норм сейчас модно приводить десять заповедей Ветхого Завета. Действительно, казалось бы, какие могут быть возражения против общечеловеческого характера таких, например, норм, как «не кради», «не убивай»?

Но ведь в эпоху, когда господствовали коммуналистические отношения, принцип «не укради» ни возникнуть, ни действовать не мог, ибо все продукты труда находились в общинной собственности. Он появился лишь с зарождением личной, а затем частной собственности.

Не лучше обстоит дело с принципом «не убивай». Ведь известны первобытные и предклассовые общества, в которых мужчина не мог стать полноправным членом общины и получить право вступить в брак, пока не совершил убийство кого-либо из чужаков. Человек обязан был убить, иначе он становился объектом всеобщего презрения. Во многих первобытных и предклассовых обществах человек в случае убийства близкого родственника был обязан отомстить за его смерть, обязан был убить. Это было нормой, уклониться от исполнения которой было невозможно, не навлекая на себя всеобщего осуждения.

И только тогда, когда утвердилось государство, оно взяло на себя обязанность наказывать за обиды, причиненные одними его подданными другим. Оно лишило своих подданных права убивать других его подданных даже в отместку за насильственную смерть, не говоря уже о других проступках. Право убивать людей, своих подданных, государство оставило только за собой. И свою монополию на убийство государство всегда рьяно отстаивало, карая всякого, кто посягнул на жизнь его подданного, какими бы уважительными ни были причины. Именно тогда окончательно утвердился принцип «не убивай» как регулятор отношений подданных государства друг к другу.

Факты неопровержимо свидетельствуют, что человеческая мораль всегда носила исторический характер. В зависимости от изменения самого общества менялись нормы морали, представления о добре и зле. Но исторический подход к морали далеко не равнозначен релятивизму. Развитие морали носило кумулятивный характер. В исторически преходящей форме шло накопление того, что имеет непреходящий характер. В этом смысле можно говорить о формировании общечеловеческой морали, которое продолжается и сейчас.

Таким образом, в зависимости от уровня развития производительных сил

меняются экономические системы, а вместе с ними тип общества, происходит переход от одной общественно-экономической формации к другой. Со сменой общественных отношений меняется и сущность человека. Она исторически преходяща. Непреходящим является лишь то, что люди всегда занимаются производством и всегда живут в обществе. В этом состоит марксистский подход к сущности человека.

Примечания

¹ В последующем эта концепция в доработанном виде была изложена в моей книге «На заре человеческой истории» (М., 1989).

² Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община//Становление классов и государства. М., 1976. С. 25—37; *его же*. Основные этапы эволюции первобытной экономики//Народы Азии и Африки. 1984. № 1.

³ Schapera I. The Khoisan Peoples of South Africa. Bushmen and Hottentotes. L., 1930. P. 147—148.

⁴ Radcliffe-Brown A. R. The Andaman Islanders. N. Y. 1964. P. 43.

⁵ Ibid. P. 41.

⁶ Lee R. B. The Kung Bushmen of Botswana//Hunters and Gatherers Today. N. Y., 1972. P. 348.

⁷ Ibid. P. 342—343, 348—349.

⁸ Lee R. B. Kung Bushmen Subsistence: Input-Output Analysis//Environment and Culture Behavior. N. Y., 1969. P. 74.

⁹ Lee R. B. Reflections on Primitive Communism//Hunters and Gatherers. 1. Oxford, 1988.

¹⁰ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Этнографическая часть, вторая половина: основные черты семейной, общественной и внутренней жизни. СПб., 1903. Т. 3. С. 36; Лонгин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. С. 191; Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 40; Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 82 (цитата из отчета А. Мосо); Gribble J. R. Black but Comley. L., 1874. P. 117; Ehrenreich P. von. Über die Botocudos der brasilianischen Provinzen Espiritu Santo und Minas Geraes//Zeitschrift für Ethnologie. 1887. Bd. 19. S. 31; Kroeber A. The Eskimo of Smith Sound. N. Y., 1900. P. 301; Howitt A. W. Native Tribes of South-West Australia. L., 1904. P. 764; Jochelson W. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus//Memoir of the American Museum of Natural History. Leiden — N. Y., 1910. V. 13. Pt. 1. P. 124; Seligman C. G., Seligman B. Z. The Veddas. Cambridge, 1911. P. 86; Vanoverbergh M. Negritos of Northern Luzon//Anthropos. 1924. Bd. 20. Hf. 3—4. S. 409; Schirokogoroff M. Social Organisation of the Northern Tungus. Shanghai, 1929. P. 195; Henri J. Jungle People. A Kaingang Tribe of the Highlands of Brazil. Richmond, 1941. P. 97; Ransom J. R. Aleut Natural Food Economy//American Anthropologist. 1946. V. 48. N 4. Pt. 1. P. 613; Birket-Smith K. The Chugach Eskimo. Kobenhavn, 1953. P. 96; Peters Freichen's Book of the Eskimo. Cleveland and New York. 1961. P. 152.

¹¹ Radcliffe-Brown A. R. Andaman Islanders. N. Y., 1961 (1 ed.— 1922)

Spencer G. B., Gillen F. J. The Arunta. A Study of Stone Age People. V. I. L., 1927. P. 37; Sharp L. Ritual Life and Economics of Yir-Yoront of Cape York Peninsula.

Oceania. 1934. V. 5. N 1. P. 38; Bunzel R. The Economic Organisation of Primitive Peoples//General Anthropology. 1938. P. 346; Goldman S. Tribes of Uaupes-Cagueta Region//Handbook of South American Indians. Washington, 1948. V. 3. P. 785; *idem*. The Cubeo. Indians of the Northwest Amazon. Urbana, 1963. P. 75. Thomas E. M. The Harmless People. L., 1959. P. 21.

¹² Taplin G. The Folklore, Manners, Custom and Languages of South Australian Aborigines. Adelaide, 1879. P. 11.

¹³ Malinowski B. The Family among Australian Aborigines. L., 1913. P. 283—286.

¹⁴ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. L., 1922. P. 97, 167.

¹⁵ Подробнее см.: Семенов Ю. И. О стадильной типологии общины//Проблемы типологии и этнографии. М., 1979.

¹⁶ Lowie R. H. Primitive Society. N. Y., 1961. P. 205—210.

¹⁷ Ibid. P. 206, 209.

¹⁸ Ibid. P. 210.

¹⁹ Кунов Г. Указ. раб. С. 4.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 4.

²² Там же. С. 64.

²³ Там же.

²⁴ Service E. R. Hunters. Englewoods Cliffs, 1979. P. 22.

²⁵ Ibid. P. 23—24.

²⁶ Ibid. P. 25—26.

²⁷ Ibid.

²⁸ Монтень М. Опыты. М., 1954. Кн. 1. С. 143—144, 266—267.

²⁹ Морелли. Кодекс природы или истинный дух законов. М.; Л., 1957. С. 83—85, 103—106.

- ³⁰ Мабли Г. О законодательстве или принципы законов//Избранные произведения. М.; Л., 1950. С. 92—93, 119—121.
- ³¹ Дидро Д. Добавление к «Путешествию» Бугенвиля//Избранные атеистические произведения. М., 1956. С. 182, 211.
- ³² Ferguson A. On Essay in the History of Civil Society. Edinburgh, 1767. P. 123—143.
- ³³ См. Тер-Акопян Н. Б. Первобытное общество: проблемы теории и истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1991. С. 162—182.
- ³⁴ См. Там же. С. 95—96, 188.
- ³⁵ Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.
- ³⁶ Morgan L. H. Ancient Society. Cleveland and N. Y., 1963. P. 370—371, 409, 425, 462 (1ed.—1877).
- ³⁷ Ehrenreich P. *воп. Op. cit.* P. 31.
- ³⁸ Шренк Л. Указ. раб. С. 36.
- ³⁹ Kidd D. Kafir Socialism and the Dawn of Civilization. L., 1908.
- ⁴⁰ Лопатин И. А. Указ. раб. С. 119, 192.
- ⁴¹ Vanoverbergh M. *Op. cit.* P. 409.
- ⁴² Rasmussen K. The Netsilik Eskimos. Social Life and Spiritual Culture. Copenhagen, 1931. P. 483.
- ⁴³ Karsten R. Indian Tribes of the Argentine and Bolivian Chaco. Helsingfors, 1932. P. 92—94.
- ⁴⁴ Вслед за первым томом серии вышли: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986 и История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.
- ⁴⁵ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблема антропосоциогенеза. М., 1983. С. 319.
- ⁴⁶ Федотов Г. П. СССР и фашизм//Искусство кино 1990. № 7. С. 24.
- ⁴⁷ Яхот И. Подавление философии в СССР (20—30-е годы)//Вопросы философии. 1991. №№ 7, 8, 9.
- ⁴⁸ Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
- ⁴⁹ Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.
- ⁵⁰ Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 150—155.
- ⁵¹ Бюхер К. Происхождение народного хозяйства и происхождение общественных классов. СПб., 1897; его же. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1918. С. 58 сл.
- ⁵² Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство//Изб. труды. М., 1989. С. 114—143.
- ⁵³ Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. N. Y., 1968; Dalton G. Economic Anthropology and Development. Essays on Tribal and Peasant Economies. N. Y., L., 1971.
- ⁵⁴ Шафаревич И. Можно ли еще спасти Россию?//Комсомольская правда. 18 октября 1990.
- ⁵⁵ Мороз О. Ястребы//Московский комсомолец. 28 марта 1991.
- ⁵⁶ Алексеев С. Не простое право — частное право//Известия, 21 октября 1991.
- ⁵⁷ Лихачев Д. Культурное одичание грозит нашей стране из ближайшего будущего//Известия. 30 мая 1991.

On Primitive Communism, Marxism and Human Essence

An article is an answer to E. Gellner's «Marxist Book of Genesis» («Ethnographic Review» № 2, 1992) — a review of Semenov's theory of sociogenesis and the rise of primitive communism. The author claims that all primitive societies were communistic. While Gellner argues that the notion of primitive communism is a major component of Marxism, Semenov proves that idea had emerged long before Marx in the works of Morelli, Fergusson, Mabli, Diderot, and Marxism was not based upon it. The author stresses that human essence as the sum total of all social relations changes in accordance with the development of human society. So in the early phase of primitive society the human essence was communistic according to the mode of production. At more developed stages of social evolution property and exploitation became as natural as communist relations had been before.

Yu. I. Semenov.